

Мозговая Е. В., Шлыкова Е. В.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОСТРЫХ И ПОВСЕДНЕВНЫХ РИСКОВ

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 140300139

Мозговая Алла Викторовна — кандидат философских наук, заведующая сектором, Институт социологии РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5

E-mail: mozgovai@isras.ru

Тел.: +7 (499) 128 76 51

Шлыкова Елена Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5

E-mail: shlykova70@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 128 76 51

Аннотация. Исходным в статье является положение о том, что в современном обществе риска адаптация соотносится с повседневными «размытыми» угрозами и становится перманентным процессом. Процесс этот идёт не плавно, а как бы скачками: возникает новый риск, который требует реагирования, формирования индивидуального статуса безопасности, индивид вынужден концентрировать все свои ресурсы, чтобы научиться жить с этим новым фактором среды, или в результате протестной активности вытеснить его из сферы своей повседневной жизнедеятельности.

В статье производится анализ данных двух исследований: одно осуществлено в общности, специфика которой состоит в мобилизации ресурсов для адаптации к новому риску; другое — в общности в условиях повседневных рисков. Целевыми совокупностями, выбранными для анализа, являются молодёжь и пожилые люди. Гипотетически предполагается, что имеется специфика в тех факторах, которые используют представители этих групп населения для адаптации к повседневным и острым рискам. Анализ эмпирических данных выявил как сходство, так и различия между факторами, используемыми представителями обозначенных целевых групп для формирования статуса безопасности. Интерпретация данных обобщается в результирующей части статьи.

Ключевые слова: статус безопасности, субкультура риска, рискогенная среда, адаптационные ресурсы, межличностное доверие, институциональное доверие, социальное самочувствие, уязвимость.

Обоснование проблемы и исходные положения

В современном обществе под воздействием факторов риска привычные среды трансформируются в рискогенные. В связи с этим риск становится важнейшей составляющей качества жизни и требует адаптации. Суть процесса

адаптации того или иного социального субъекта к рискогенной среде, в нашем понимании, сводится к достижению определённого статуса безопасности, а успешность этого процесса во многом зависит от эффективности способов взаимодействия с рисками — способов адаптации к возможным ущербам.

Различия в характере современных рисков и масштабах возможных ущербов обуславливают неравномерность распределения рисков для разных социальных субъектов и территориальных общностей. В ряде случаев тот или иной социальный субъект испытывает воздействие нескольких потенциально угрожающих факторов одновременно или влияние одного фактора сменяется влиянием другого, то есть актуализируется то один риск, то другой. В самом широком смысле речь идёт о повседневных «размытых» рисках, специфика которых превращает адаптацию к ним в перманентный процесс. В других случаях социальные субъекты испытывают длительное воздействие конкретного угрожающего фактора, зачастую навязываемого средой, который представляет собой реальный источник опасности. В таких случаях речь идёт о конкретном навязываемом риске.

Анализ и обобщение результатов исследований как выполненных своими силами, так и исследований зарубежных и отечественных коллег, позволили выявить наличие некоторой субкультуры риска, формирующейся в процессе вынужденной адаптации и детерминирующей наличие специфической солидарности членов общностей, проживающих в непосредственной близости от опасных добывающих или производственных комплексов. Характерные черты подобной субкультуры — повышенная тревожность населения по поводу своего здоровья и здоровья детей, высокий уровень заинтересованности в информации о состоянии окружающей среды, превалирование ценностей материального благополучия над демократическими правами и свободами, преимущественная ориентация на авторитарные способы принятия решений при высокой степени готовности принять участие в массовых протестных выступлениях; высокие оценки потенциальной рискованности жизненной ситуации [Мозговая, 2011].

Целевое исследование социальных ресурсов, которые используются населением для реализации той или иной стратегии адаптации к реальному риску, подтвердив обозначенные выше результаты, выявило следующее: в ситуации конкретного риска, навязываемого средой, различия стратегий адаптации к нему определяются потенциалом ресурсов, которыми располагают различные категории населения; причём имеет место неравенство в распределении ресурсов, составляющих адаптационный потенциал [Мозговая, Шлыкова 2014]. Наиболее уязвимыми оказываются в разных обстоятельствах молодёжь, пожилые, люди в трудоспособном возрасте, лица с ограниченными возможностями и другие категории населения. В отношении острых рисков имеется определённое количество данных по поводу специфики образа жизни таких общностей; к настоящему моменту остаются недостаточно изученными особенности актуализации ресурсов в процессе выбора того или иного способа адаптации к повседневным «размытым» рискам.

Актуальной задачей в связи с этим представляется изучение специфики ресурсов, способствующих формированию статуса безопасности в общностях, не переживающих острый риск, а живущих в условиях повседневных рисков, к которым осознанно или интуитивно люди адаптируются. По данным последних исследований Левада-Центра, посвящённых изучению адаптационного потенциала россиян, наименее адаптированными к институциональным, психологическим и социальным изменениям последних лет оказались самые молодые и пожилые группы населения. В этих возрастных группах более половины составляют «инертные адаптанты» – те, «кто отказался пытаться что-либо менять в своей жизни» [Гудков и др., 2014: 88], а среди дезадаптированных самую высокую долю (63%) составляют респонденты старше 55 лет [Гудков и др., 2014: 89]. В интерпретации авторов исследования, это связано с ограничением собственных потребностей из-за ограниченности ресурсов в обеих возрастных группах: пожилые уже растратили ресурсы и потому привыкли к экономии, а молодёжь ещё не накопила их достаточно. Иными словами, молодёжь и пожилые люди представляют собой наиболее уязвимые по наличию адаптационных ресурсов группы населения.

Исследования сектора проблем риска Института социологии РАН [Корнилова, 2011: 144–182], разработки коллег [Зубок, 2003; Зубок, 2007] показывают специфику молодёжи и пожилых, позволяющую определить эти категории как «группы риска». В частности Корниловой М. В. на основе данных мониторингов была построена и обоснована типология рисков, наличие которых ставит под угрозу нормальную жизнедеятельность пожилых, их уязвимость и социальную незащищённость по сравнению с другими группами населения: «бедность и бездомность; ухудшение здоровья (отчуждённость от общества); утрата родственных связей; деформация норм поведения; риск мошеннических действий» [Корнилова, 2012: 129–131]. Для молодёжи типология рисков, обуславливающих неопределённость жизненной ситуации и личностную уязвимость, безусловно, отличается от той, что характерна для пожилых. Тем не менее, имеются и общие черты, которые можно исследовать и представить сравнительный анализ на основе баз данных, имеющихся в нашем распоряжении.

Основной гипотезой выступает предположение о том, что социальные общности в целом и специфические категории в составе этих общностей, в частности, проживающие в зонах конкретного навязываемого риска и повседневных «размытых» рисков, различаются по выбору способов адаптации к рискам, а также по актуализации ресурсов, составляющих адаптационный потенциал.

На данном этапе продвижения в исследовательском направлении интерес представляет сравнительный анализ таких категорий как молодёжь и пожилые в ситуациях повседневных и острых рисков.

Методика формирования эмпирической базы

Эмпирической базой анализа выступают результаты двух социологических исследований. Первое осуществлено при методическом обеспечении авторов статьи в конце 2013 года в социальной общности, которой навязывается риск, по многоступенчатой репрезентативной квотной выборке (394 анкеты). Второе исследование представляет собой опрос контрольной совокупности респондентов, проживающих в условиях повседневных «размытых» рисков, в 2015 году (100 анкет) при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-03-00139.

Разработана следующая методика отбора единиц наблюдения. На первом этапе из совокупности опрошенных, проживающих в условиях острого навязываемого риска (394 человека), были выделены две группы респондентов: молодёжь от 18-ти до 29-ти лет (75 человек) и пожилые от 55-ти до 69-ти лет (76 человек).

На втором этапе устанавливались доли мужчин и женщин в определённом возрасте в каждой из этих групп (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Возрастное распределение мужчин и женщин в молодёжной группе (в % к N = 75)

Возраст	Мужчины	Женщины	Итого
18–24	29	25	54
25–29	23	23	46
Итого	52	48	100

Таблица 2

Возрастное распределение мужчин и женщин в группе пожилых (в % к N = 76)

Возраст	Мужчины	Женщины	Итого
55–59	22	21	43
60–64	14	24	38
65–69	6	13	19
Итого	52	48	100

На третьем этапе было определено, что исходя из условий и сроков, в контрольной группе реально возможное количество опрошенных может быть не более 50 человек молодёжи и столько же — пожилых, всего 100 человек.

На четвёртом этапе задавалось количество респондентов определённого возраста и определённого пола, которое требуется для обеспечения одинаковых пропорций по этим признакам в обеих совокупностях, что и было реализовано на полевом этапе работы.

Таким образом, сравнительный анализ осуществляется относительно четырех целевых групп респондентов. Первые две составляет молодёжь (18–29 лет), проживающая в регионе с конкретным риском (n=75) и в зоне с повседневными «размытыми» рисками (n=50), в третью и четвёртую целевые группы вошли пожилые (55–69 лет) из районов с конкретным (n=76) и повседневными рисками (n=50). Процедура сравнения четырёх групп строится на основе индексов, интервал значений которых колеблется от «0» до «1», где наибольшее значение – единица. Для сравнительного анализа мы выбрали такие адаптационные ресурсы, которые характеризуют социальное самочувствие [Козырева, 2004] представителей обеих возрастных категорий, а именно: удовлетворённость жизненными условиями и социальную защищённость.

Социальное самочувствие как фактор безопасности

Социальная защищённость

Для измерения самооценок уровня защищённости респондентам предлагалось высказаться по 23-м позициям с формулировками неприятных событий, которые могут коснуться каждого из нас. Перечень этих событий частично соответствует принятым в зарубежных исследованиях, частично дополнен нами и апробирован в целом ряде эмпирических исследований. Респондентам предлагалось определить: насколько защищёнными от каждого из событий они себя ощущают: полностью, частично, совсем не защищёнными. Для анализа данных мы сочли целесообразным сгруппировать все позиции в 11 блоков. На графике (см. рис. 1) приводятся ключевые слова на каждый блок, расшифровка следующая: (1) *занятость*: неприятности в профессиональной деятельности; безработица; (2) *дискриминация*: дискриминация по признаку пола, возраста; преследования по национальному признаку; за религиозные убеждения; за политические взгляды; (3) *преступность*: ограбление квартиры; нападение хулиганов; организованная преступность; (4) *стресс*: одиночество; ощущение, что жизнь зашла в тупик; (5) *бедность*: бедность, бездомность; (6) *здоровье*: отказ в бесплатной медицинской помощи; неправильный

диагноз и лечение; (7) *аварии*: аварии на общественном транспорте, железной дороге, автодороге; (8) *инфекции*: отравления вредными продуктами; инфекционные заболевания; (9) *экология*: экологическое бедствие; вредные вещества в стройматериалах; отравления веществами, сбрасываемыми в воду, воздух; радиация; (10) *война*: военные действия с последующим переселением; (11) *терракт*: действия террористов – взрывы домов, в транспорте, захват заложников.

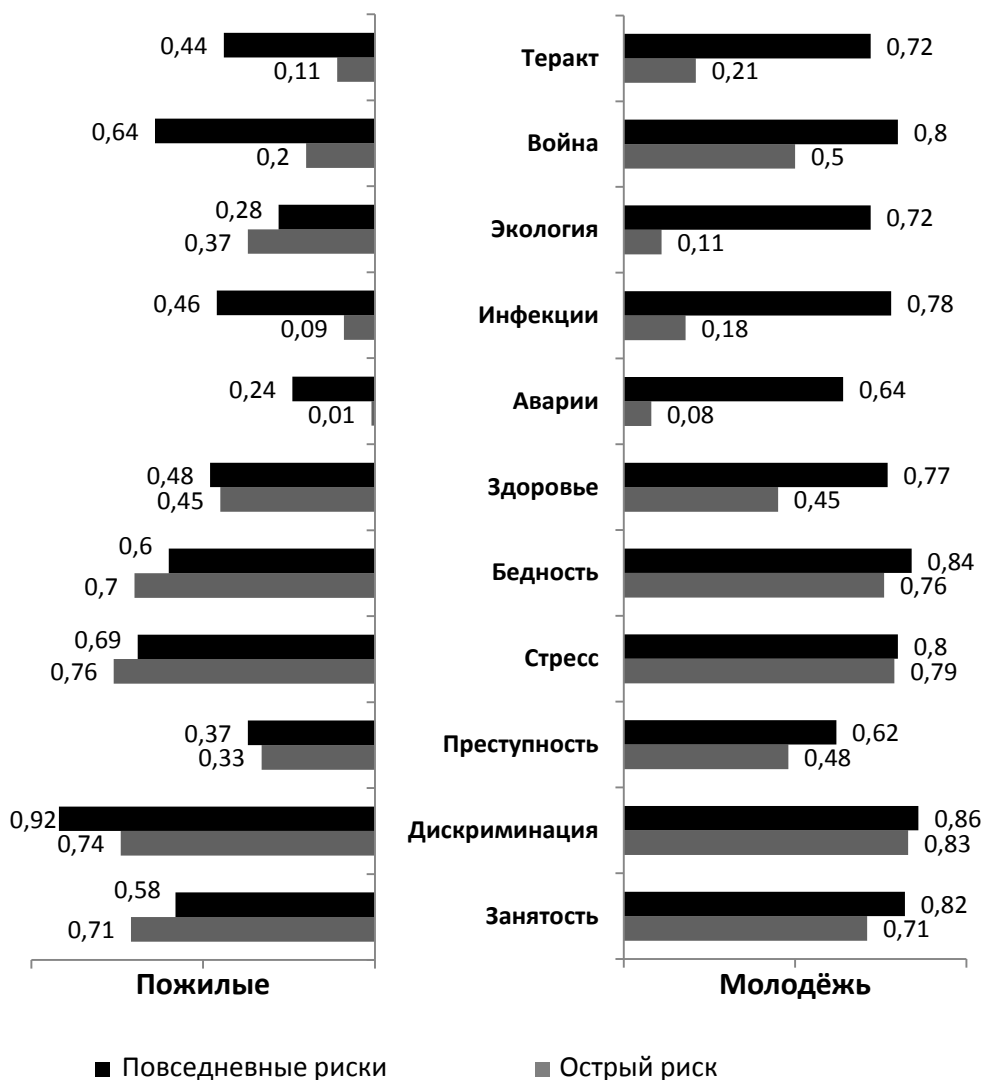

Рис. 1. Субъективно ощущаемая социальная защищённость (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

В условиях повседневных рисков молодёжь оценивает свою защищённость гораздо выше, чем молодёжь в ситуации острого риска; сходны высокие оценки по блокам занятость, дискриминация, стресс, бедность. У пожилых оценки более дифференцированные, тенденция более высокой оценки защищённости в условиях повседневных рисков по сравнению с острыми рисками просматривается не по всем показателям. Одинаково высоко пожилые обеих совокупностей оценивают свою защищённость от дискриминации всех типов и одинаково низко по блокам: преступность, здоровье, аварии.

Представляется целесообразным осуществить ещё один способ анализа результатов: расставим ранги по следующим критериям – высокий уровень защищённости – значения от 0,99 до 0,71: ранг «I»; от 0,70 до 0,51: ранг «II»; от 0,50 до 0,31: ранг «III»; низкий уровень защищённости – от 0,30 до 0: ранг «IV». В таблице 3 представлены результаты ранжирования.

Таблица 3

Уровень социальной защищённости: ранги («I» высокий; «IV» – низкий)

Пожилые		События	Молодёжь	
Острый риск	Повседневные риски		Повседневные риски	Острый риск
I	II	«Занятость»: неприятности в профессиональной деятельности; безработица	I	I
I	I	«Дискриминация»: дискриминация по признаку пола, возраста; преследования по национальному признаку; за религиозные убеждения; за политические взгляды	I	I
III	III	«Преступность»: ограбление квартиры; нападение хулиганов; организованная преступность	II	III
I	II	«Стресс»: одиночество; ощущение, что жизнь зашла в тупик	I	I
I	II	«Бедность»: бедность, бездомность	I	I
III	III	«Здоровье»: отказ в бесплатной медицинской помощи; неправильный диагноз и лечение	I	III
IV	IV	«Аварии»: аварии на общественном транспорте, железной дороге, автодороге	I	IV
IV	III	«Инфекции»: отравления вредными продуктами; инфекционные заболевания	I	IV
III	IV	«Экология»: экологическое бедствие; вредные вещества в стройматериалах; отравления веществами, сбрасываемыми в воду, воздух; радиация	I	IV
IV	II	«Война»: военные действия с последующим переселением	I	III
IV	III	«Теракт»: действия террористов – взрывы домов, в транспорте, захват заложников	I	IV

Что касается молодёжи, то факторами повышения уровня защищённости, а, следовательно, и статуса безопасности, у тех, кто находится в ситуации острого риска, могут выступить показатели следующих блоков: «здоровье», «аварии», «инфекции», «экология», «война», «теракт». У представителей совокупности пожилых ситуация менее очевидная. По блокам «занятость», «стресс», «бедность», «экология» пожилые в условиях острого риска ощущают себя более защищёнными, чем пожилые в ситуации повседневных рисков; по блокам «инфекции» и «война» пожилые в совокупности респондентов из общности повседневных рисков ощущают себя более защищёнными, чем проживающие в ситуации острого риска.

По-видимому, для категории пожилых респондентов факторы повышения статуса безопасности коррелируют не столько со спецификой рисков (острые / повседневные), сколько с иными сторонами жизненной ситуации. В связи с этим предположением рассмотрим ещё одну составляющую социального самочувствия – степень удовлетворённости респондентов своими жизненными условиями.

Удовлетворённость жизненными условиями

Респондентам предлагалось оценить свою удовлетворённость по пятибалльной шкале и по 18-ти жизненным условиям. Мы сгруппировали их следующим образом: а) шкалу преобразовали в трёхбалльную; жизненные условия сгруппировали в 10 блоков: 1) «повседневность»: материальная обеспеченность; питание; приобретение одежды; жилищные условия; 2) «здоровье»: состояние здоровья; 3) «социальная сфера»: медицинское обслуживание; работа коммунальных служб; работа полиции; 4) «образование»: доступность образования для детей и внуков; 5) «семья»: отношения в семье; общение с друзьями; 6) «досуг»: возможности для проведения досуга; отдых в период отпуска; 7) «работа»: ситуация на работе; возможность реализовать себя в профессии; 8) «статус»: положение, статус в обществе; 9) «жизнь»: то, как складывается жизнь; 10) «страна»: ситуация в стране. На рис. 2 представлены данные.

Молодёжь в целом удовлетворена своими жизненными условиями в большей степени, чем пожилые, причём, условия повседневных рисков связаны с более комфортным самочувствием респондентов. Исключение составляют условия блоков «здоровье» (выше удовлетворённость у молодёжи из общности с острым риском) и «семья» (удовлетворённость одинаковая по самооценкам).

У пожилых и по этому вопросу дифференциация выше, чем у молодёжи. Для демонстрации различий представим данные в формате рангового распределения с теми же интервалами, что и для вопроса по защищённости (см. таблицу 4).

Первое, что явно видно из таблицы 4, это разница в удовлетворённости пожилых и молодых в одной и той же общности, которая проживает в условиях повседневных рисков. Острый риск несколько выравнивает удовлетворённость

молодёжи и пожилых. Одинаковая удовлетворённость по блоку «здоровье»: у молодёжи высокий ранг, у пожилых — достаточно низкий. Отношениями в семье и с друзьями одинаково высоко удовлетворены все анализируемые группы. Ранг удовлетворённости ситуацией в стране одинаково низкий у всех групп. Удовлетворённость основными жизненными условиями молодёжи и пожилых в ситуации острого риска отличается меньше, чем у таких же групп в ситуации повседневных рисков.

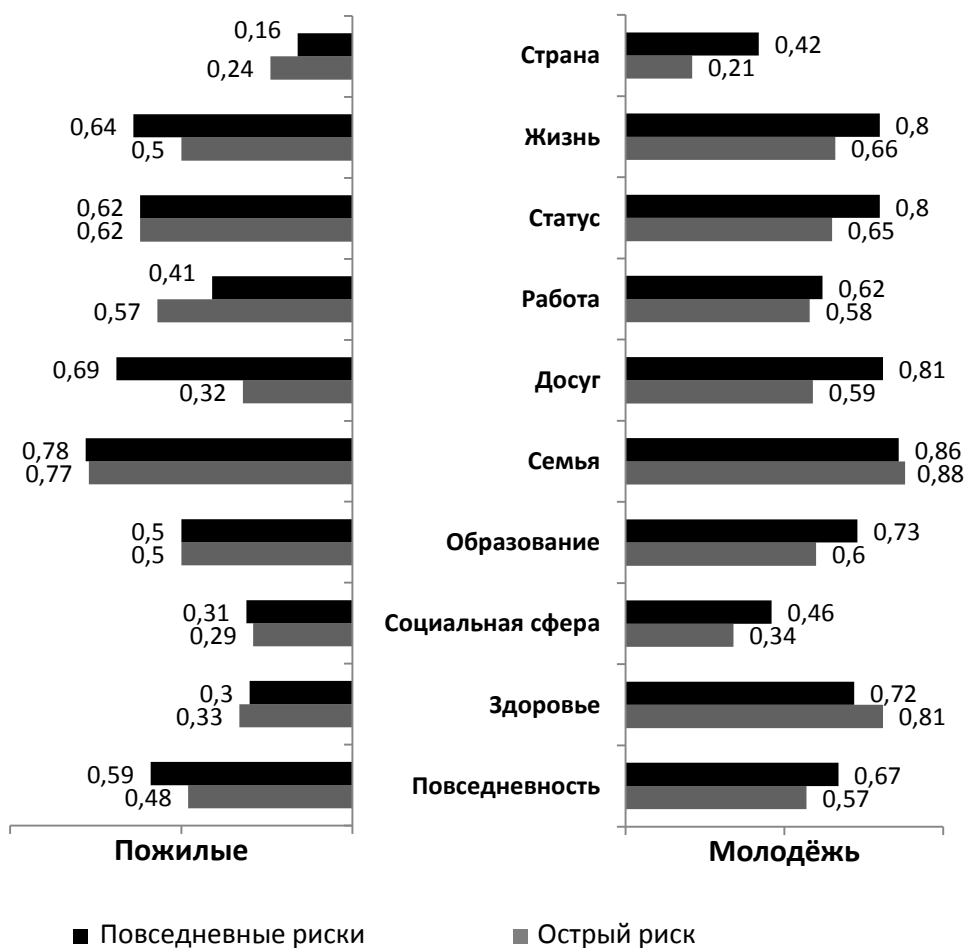

Рис. 2. Удовлетворённость жизненными условиями (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Таблица 4

Удовлетворённость жизненными условиями: ранги («I» – высокий; «IV» – низкий)

Пожилые		События	Молодёжь	
Острый риск	Повседневные риски		Повседневные риски	Острый риск
III	II	«Повседневность»: материальная обеспеченность; питание; приобретение одежды; жилищные условия	II	II
III	III	«Здоровье»: состояние здоровья	I	I
IV	III	«Социальная сфера»: медицинское обслуживание; работа коммунальных служб; работа полиции	III	III
III	III	«Образование»: доступность образования для детей и внуков	I	II
I	I	«Семья»: отношения в семье; общение с друзьями	I	I
III	II	«Досуг»: возможности для проведения досуга; отдых в период отпуска	I	II
II	III	«Работа»: ситуация на работе; возможность реализовать себя в профессии	II	II
II	II	«Статус»: положение, статус в обществе	I	II
III	II	«Жизнь»: то, как складывается жизнь	I	II
IV	IV	«Страна»: ситуация в стране	III	IV

Анализ показывает, что повышение степени удовлетворённости жизненными условиями может рассматриваться как ресурс снижения уязвимости и, следовательно, как фактор повышения статуса безопасности, прежде всего для категории пожилых, причём как в условиях повседневных рисков, так и в условиях острого риска.

Анализ данных по показателям защищённости и удовлетворённости жизненными условиями в совокупности даёт представление о социальном самочувствии респондентов. Выявлены стороны жизнедеятельности, по которым все респонденты оказываются уязвимыми: «здоровье» (отказ в бесплатной медицинской помощи; неправильный диагноз и лечение; состояние здоровья); «преступность» (ограбление квартиры; нападение хулиганов; организованная преступность); «инфекции» (отравления вредными продуктами; инфекционные заболевания); «экология» (экологическое бедствие; вредные вещества в стройматериалах; отравления веществами, сбрасываемыми в воду, воздух; радиация); «социальная сфера» (медицинское обслуживание; работа коммунальных служб; работа полиции); «ситуация в стране». Состояние здоровья тесно связано с экологией, которая, в свою очередь, тесно связана с системой социального контроля и управления, как и низкий уровень удовлетворённости ситуацией в стране и работой основных служб, контролирующих социальную сферу.

Адаптация, как уже подчёркивалось, представляет собой процесс, требующий определённых усилий, активности. В связи с этим позиции респондентов относительно предрасположенности (установки) к активным действиям и тех

условий жизнедеятельности, которые могли бы мотивировать их на активность, в значительной степени определяют успешность достижения статуса безопасности.

Для дальнейшего более глубокого анализа степени и спектра характеристик уязвимости целесообразно определить следующие показатели:

- мотивы, побуждающие к активной деятельности;
- динамика состояния здоровья и опыт жизненных потерь;
- субъективное ощущение опасности социальной среды (личное ощущение угроз, поведение в условиях риска, отношение к управлению риском);
- интерес к событиям в стране и месте проживания; самооценка уровня грамотности по этим показателям;
- опора при решении жизненных проблем;
- доверие социальным субъектам.

Снижение уязвимости
как фактор формирования статуса безопасности

На рис. 3 представлена информация о мотивах, которые могли бы стимулировать респондентов на участие в активных действиях в защиту своих интересов.

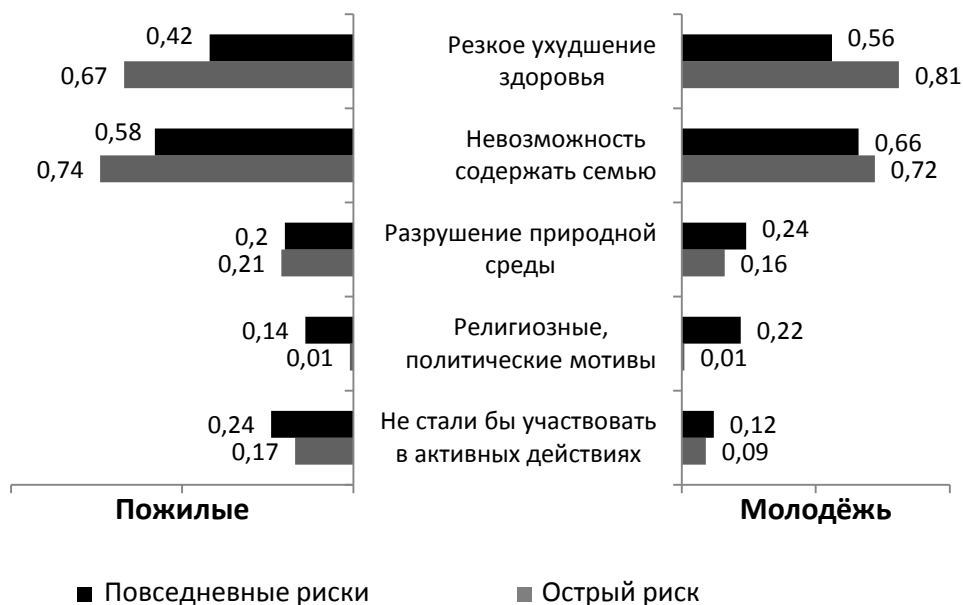

Рис. 3. Мотивы участия в активных действиях в защиту собственных интересов, позиций, идеалов (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Все целевые группы характеризуются достаточно высокой готовностью действовать в защиту своих личных интересов, позиций, идеалов. Основными мотивами участия в активных действиях в молодёжной среде и среди пожилых являются экономические причины (невозможность содержать себя, семью) и резкое ухудшение здоровья. Причём, в ситуации острого риска протестный потенциал значительно выше. Адаптирующиеся к повседневным рискам отличаются более высокой готовностью к активным действиям в защиту своих религиозных и политических убеждений. Одним из факторов формирования статуса безопасности в процессе адаптации к риску может стать снижение протестного потенциала за счёт повышения или, как минимум, стабилизации уровня жизни и охраны здоровья, а в ситуации повседневного риска, возможно, следует дополнительно проконтролировать соблюдение религиозной и политической толерантности.

Здоровье всеми анализируемыми группами оценивается как важный показатель социального самочувствия. На рис. 4 приводятся данные о негативной динамике состояния здоровья респондентов.

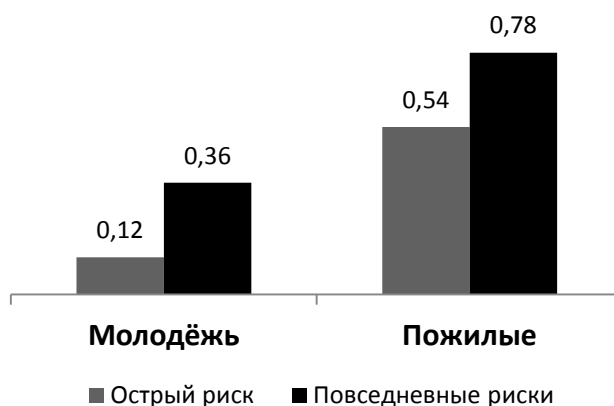

Рис. 4. Негативная динамика состояния здоровья (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

При адаптации к повседневным рискам как пожилые, так и молодёжь характеризуются существенно более негативной динамикой состояния здоровья, причём в молодёжной группе индекс ухудшения состояния здоровья в три раза выше по сравнению со сверстниками из региона с острым риском. Интерпретация этого факта требует дополнительных профессиональных, в том числе медицинских, исследований. Меры по охране и профилактике здоровья могли бы повысить статус безопасности респондентов, живущих в условиях повседневных рисков.

Жизненные потери, опыт которых анализируется ниже (рис. 5), мы разделили условно на материальные (утрата собственности, потеря сбережений, работы), физические и психологические страдания (развод, разрыв с любимым человеком, физический недуг и стресс), тяжёлые переживания за близких (разрыв родителей, длительная болезнь близких), смерть близких.

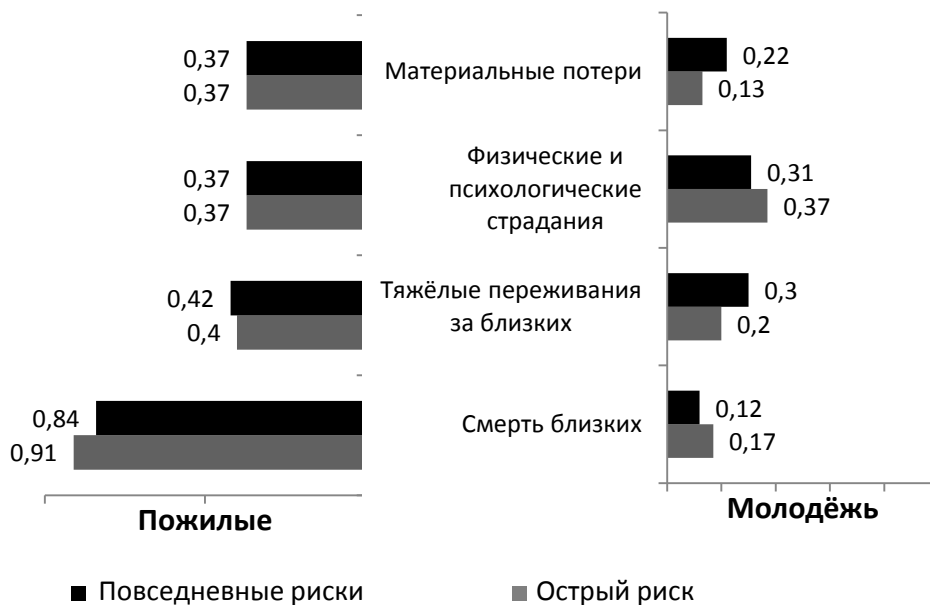

Рис. 5. Опыт жизненных потерь (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

По опыту пережитых жизненных потерь пожилые из обеих целевых групп существенным образом не различаются. Молодёжь, адаптирующаяся к повседневным рискам, по сравнению с ровесниками из другой целевой группы, имеет больше опыта утраты собственности, потери сбережений, работы, а также чаще переживает разрыв родителей и длительную болезнь близких. Молодёжь, принуждаемая к адаптации фактором острого риска – собственный развод, разрыв с любимым человеком, физический недуг и стресс. Интересно, что физические и психологические страдания характерны и для молодёжи, и для пожилых.

Респондентам предлагалось определить ощущают они лично или нет те или иные угрозы. На рис. 6 представлены соответствующие данные. Расшифровка на ключевые слова следующая: «*собственность*» – потеря имущества, собственности; «*здоровье*» – ухудшение, утрата здоровья; «*стресс*» – потеря контроля над своей жизненной ситуацией; «*работа*» – потеря работы, служебного положения; «*жизнь*» – обесценивание человеческой жизни; «*уклад*» – изменение жизненного уклада, слом планов; «*деньги*» – финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений; «*природа*» – деградация окружающей среды.

В целом пожилые оценивают среду как более опасную, чем молодёжь, и оценки пожилых из совокупности респондентов, проживающих в условиях повседневных рисков, выше, чем тех, кто проживает в условиях острого риска. Угрозу утраты или ухудшения здоровья лично ощущает значительная доля молодёжи из общности с острым риском.

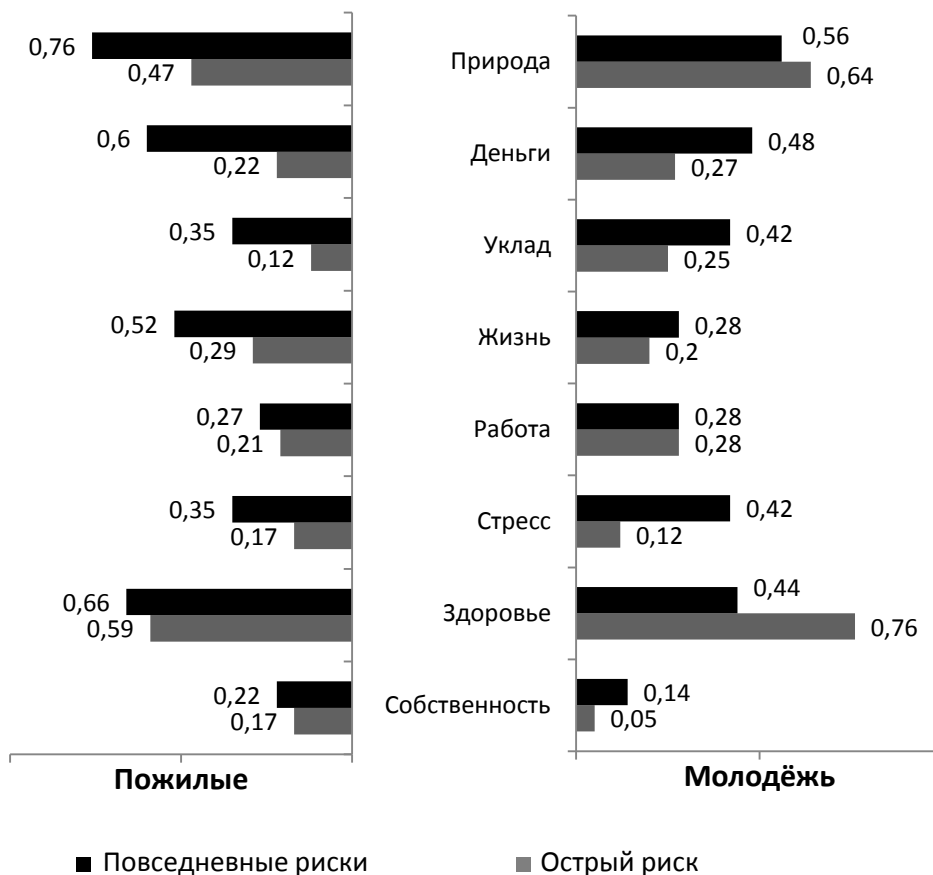

Рис. 6. Личное ощущение угроз (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

На рис. 7 графически представлены данные, отражающие predisposition респондентов к определённому поведению в условиях риска.

Активные действия декларируют пожилые из общности с повседневными рисками. Острый риск стимулирует и у молодёжи, и у пожилых выжидательную позицию.

В таблице 5 представлено распределение ответов респондентов по поводу управления рисками и субъектов, осуществляющих контроль законности управленческих решений.

Пожилые демонстрируют более высокий уровень доверия властям в сфере принятия решений, связанных с риском для здоровья населения и окружающей среды, и от типа рисков (острый / повседневные) эта позиция не зависит. При этом пожилые в меньшей степени, чем молодёжь, особенно молодёжь, живущая в условиях повседневных рисков, соглашались с тем, что в нашей стране перед законом все равны.

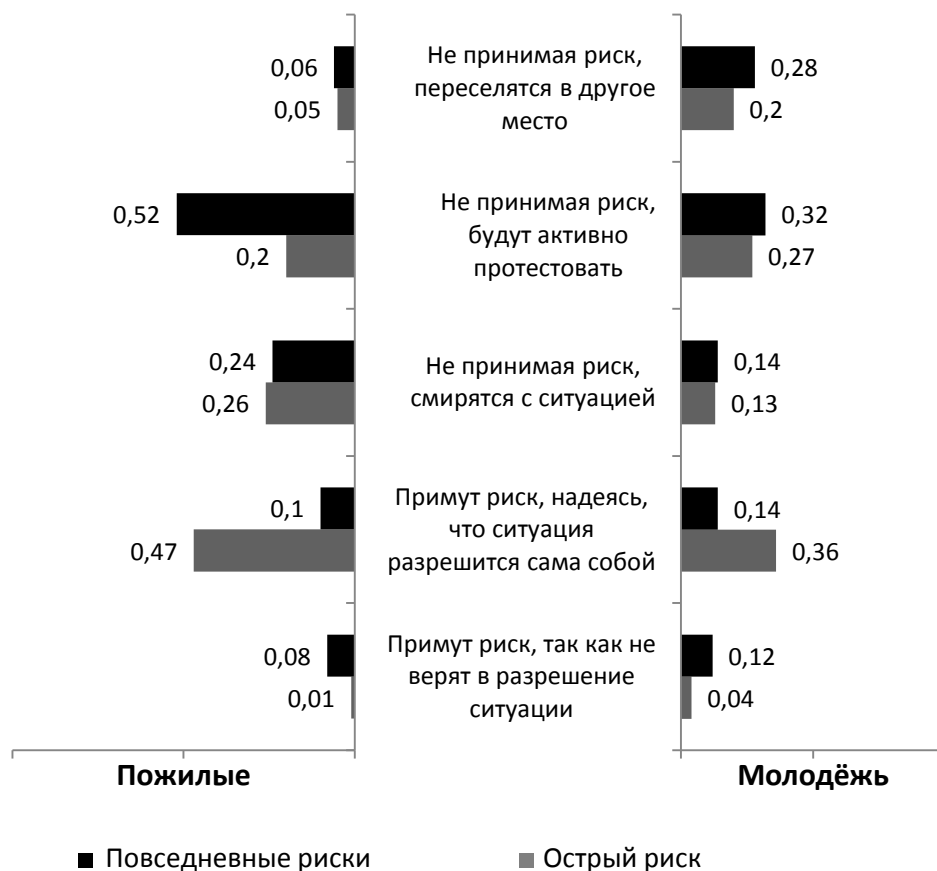

Рис. 7. Поведение в условиях риска
(индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Таблица 5

Согласие с суждениями по поводу риска (индекс согласия с интервалом от «0» до «1»)

Пожилые		Суждения	Молодёжь	
Острый риск	Повседневные риски		Повседневные риски	Острый риск
0,41	0,5	Принимаемая решения, связанные с риском для здоровья и среды обитания, власти учитывают интересы населения	0,24	0,36
0,05	0,12	В нашей стране перед законом все равны	0,44	0,15
0,41	0,5	Если риск небольшой, его можно не согласовывать с населением	0,2	0,33

Повышение уровня доверия представителям властных структур может способствовать повышению статуса безопасности молодёжи, особенно в ситуации повседневных рисков.

Интерес к социально-политической ситуации в стране, а также к месту проживания, степень грамотности в этой сфере коррелируют с общим уровнем уязвимости личности. На рис. 8 представлены соответствующие данные нашего исследования.

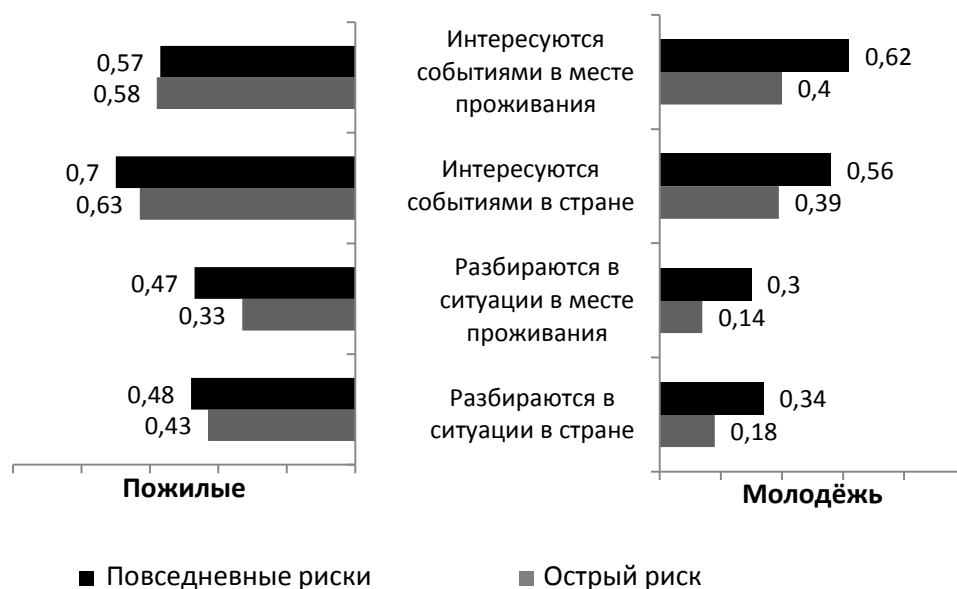

Рис. 8. Интерес к событиям в стране / месте проживания и социально-политическая грамотность (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Пожилые отличаются от молодёжи более высокой заинтересованностью происходящим в стране и в месте проживания, а также более высоким уровнем социально-политической грамотности. Как пожилые, так и молодёжь, проживающие в регионе с острым риском, меньше интересуются событиями и разбираются в ситуации в стране и месте проживания по сравнению с ровесниками, адаптирующимися к повседневным рискам. Самыми низкими показателями социально-политической грамотности характеризуется молодёжь, проживающая в ситуации острого риска. Повышение социально-политической грамотности, особенно в молодёжной среде, может до определённой степени снизить уязвимость по отношению к социальным рискам, повысить информированность и правовую культуру, расширить представление о социальных субъектах, которые могут стать опорой в решении жизненных проблем. На рис. 9 показано, на кого сейчас преимущественно рассчитывают респонденты.

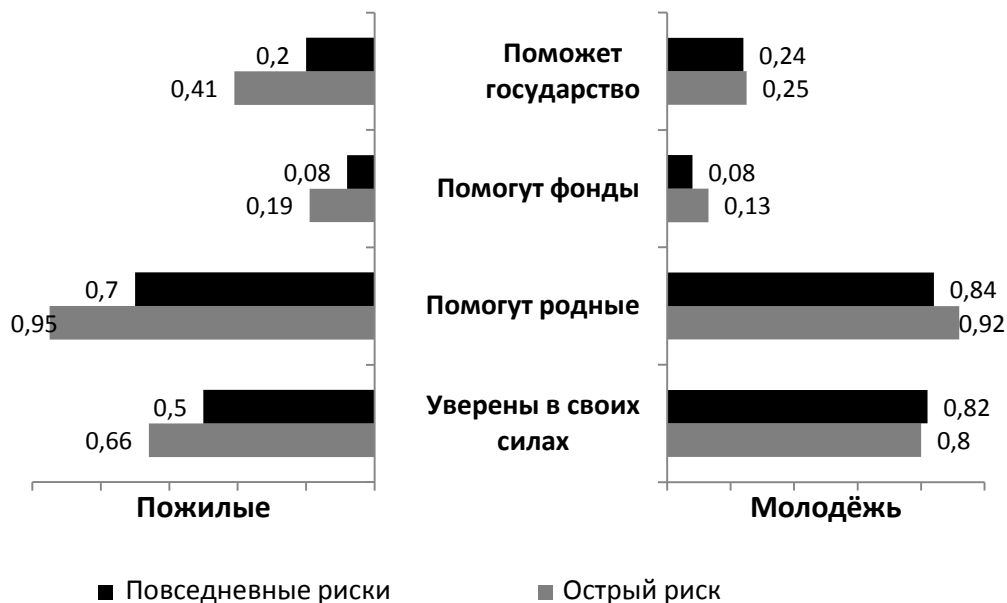

Рис. 9. Опора при решении проблем (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Молодёжь, по сравнению с пожилыми, более уверена в возможности решить возникающие проблемы без посторонней помощи. Пожилые в ситуации острого риска, в отличие от пожилых в условиях повседневных рисков, более уверены в своих силах. Как молодёжь, так и пожилые, проживающие в регионе с навязываемым острым риском, больше нуждаются в помощи извне при решении возникающих проблем. В целом респонденты не рассчитывают на помощь государства и на помощь общественных фондов. Между тем, исследования убедительно показывают, что доверие социальным субъектам является одним из важных факторов достижения безопасности.

Во всех целевых группах уровень межличностного доверия существенно выше доверия институционального. Пожилые в защите прав, свобод, здоровья, жизни больше доверяют армии и церкви, молодёжь – полиции, судам и учреждениям здравоохранения. Респонденты из целевых групп, принуждаемых к адаптации фактором острого риска, значительно больше доверяют власти и судам, а пожилые – ещё полиции. Респонденты, адаптирующиеся к повседневным рискам, больше доверяют друзьям и благотворительным фондам, а молодёжь – ещё органам соцзащиты и учреждениям здравоохранения. Фактором достижения безопасности в ситуации адаптации к риску является повышение уровня институционального доверия: в зоне повседневных рисков – власти и правоохранительным структурам, острого риска – благотворительным организациям.

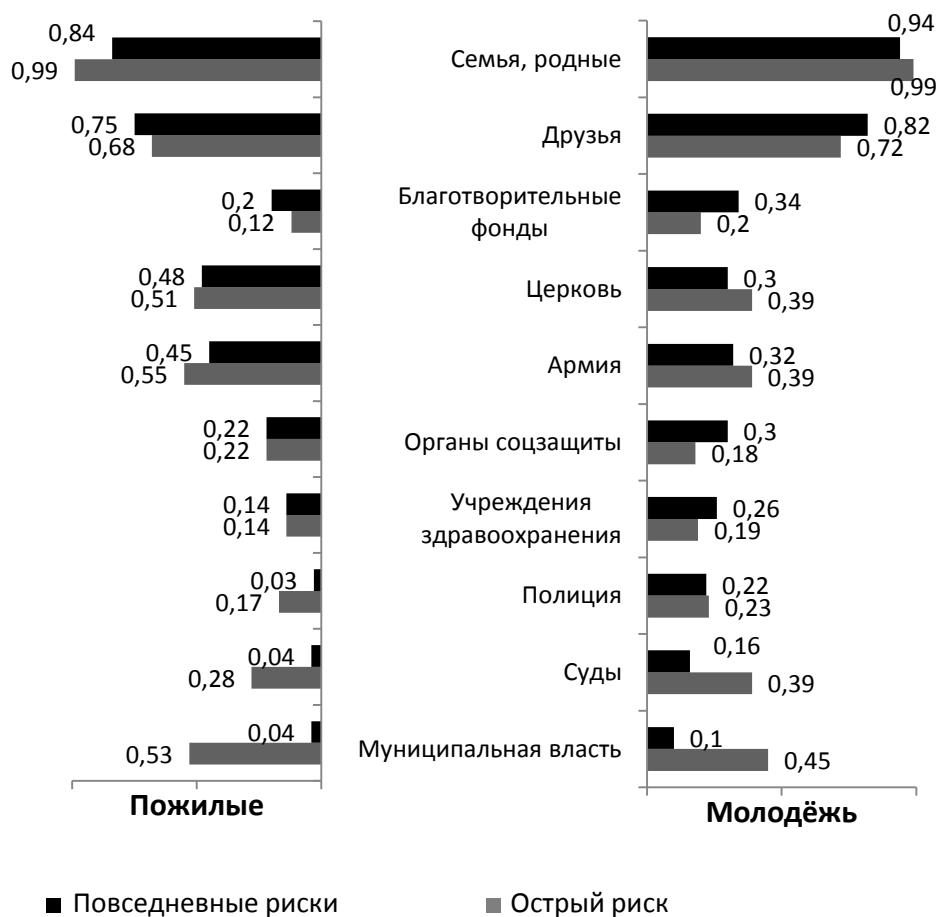

Рис. 10. Доверие организациям, институтам и субъектам в защите прав, свобод, здоровья, жизни (индекс с интервалом значения от «0» до «1»)

Общие выводы

Исходным для анализа и интерпретации эмпирических данных в статье является методологическое положение, фиксирующее одну из фундаментальных особенностей современного общества риска: адаптация к рискогенной среде, к «размытым» угрозам становится перманентным повседневным процессом. Динамика адаптации не отличается эволюционным характером: процесс идёт не плавно, а как бы скачками. Возникает новый риск, который требует реагирования, формирования индивидуального статуса безопасности, – индивид

вынужден концентрировать все свои ресурсы, чтобы научиться жить с этим новым фактором среды, или в результате протестной активности вытеснить его из сферы своей повседневной жизнедеятельности.

Социология риска в последние десятилетия развивается динамично, однако преимущественно в направлении теоретической и методологической рефлексии. В развитии эмпирической социологии риска имеются определённые трудности, связанные с накоплением опытных данных, результатов полевых исследований, которые, как известно, требуют значительных финансовых затрат. Проблема эта касается не только отечественной, но и зарубежной эмпирической социологии. Гранты позволяют работать только с небольшими выборками, региональные опросы практически стали недоступными. Методическое следствие подобной ситуации состоит в том, что интерпретация результатов справедлива по отношению к целевым совокупностям респондентов, масштаб экстраполяции выводов исследований крайне ограничен.

В статье производится анализ данных двух исследований: одно проводилось в общности, специфика которой состоит в мобилизации ресурсов для адаптации к новому риску, другая совокупность формировалась в общности, проживающей в условиях повседневных рисков, по критериям, соответствующим поло-возрастной структуре первой общности. Целевыми были совокупности молодёжи и пожилых. Эмпирической проверке подвергалось предположение о том, что имеется специфика в наборе факторов, которые используются представителями этих групп для адаптации к повседневным и острым рискам, то есть для формирования статуса безопасности в этих условиях.

Способ визуализации данных эмпирических исследований, предложенный в статье, позволяет произвести и наглядно продемонстрировать «многослойный» анализ собранной в результате опросов информации. К примеру, можно сконцентрировать внимание на сравнении молодёжи и пожилых в общности с повседневными рисками, можно – в общности с острым риском; можно взять молодёжь и сравнить оценки совокупностей, проживающих в ситуации острого риска и повседневных рисков, или взять совокупность пожилых и сравнить позиции этой возрастной категории в двух общностях. Мы осуществили все перечисленные аналитические процедуры и предлагаем некоторые общие выводы.

Различия между молодёжью и пожилыми в большей степени проявляются в ситуации повседневных рисков и в меньшей – в ситуации острого, навязываемого средой риска. Субъективно ощущаемая защищённость и удовлетворённость жизненными условиями, конечно, выше у молодёжи, однако, уровень различий с пожилыми в ситуации

острого риска меньше, чем при повседневных рисках. Полагаем, что острый, требующий ресурсов для адаптации новый риск «сглаживает» различия между пожилыми и молодёжью и может способствовать формированию специфической солидарности.

Личное ощущение угроз со стороны окружающей социальной среды у пожилых выше в ситуации повседневных рисков, причём, практически по всем составляющим, предложенным к оценке в вопросе анкеты.

Реакция на новый риск у анализируемых совокупностей различается существенно: проживающие в условиях «размытых» рисков как формы поведения при адаптации к новому риску, который гипотетически может возникнуть, декларируют таким образом: молодёжь «переждёт», а пожилые готовы протестовать; молодёжь, уже столкнувшаяся с острым риском, предпочитает устраниваться, переселиться, а пожилые – «переждать».

Событиями в стране и в месте проживания интересуются и разбираются в них в большей степени пожилые вне зависимости от типа риска: повседневный или острый. Во всех общностях молодёжь в решении жизненных проблем опирается на свои силы, пожилые – на государство. Доверяют пожилые властям, церкви, в ситуации острого риска – родным и семье. Молодёжь – семье и друзьям, в ситуации острого риска – судебным инстанциям.

Формирование статуса безопасности в ситуации острого риска по данным анализа является процессом скорее индивидуальным, чем коммуникативным, хотя имеются все предпосылки к солидарным действиям. Доверие общественным движениям, равно как и государственным, властным органам и организациям, несомненно, выступает одним из основных факторов, способствующих снижению уязвимости как анализируемых возрастных категорий, так и общностей в целом. Мы также считаем, что необходима социологическая диагностика ситуации, когда в привычную среду обитания населения внедряется новый риск, а позиции, установки, оценки жителей управленцами не учитываются, что и приводит зачастую к протестным выступлениям отчуждённых от принятия решений людей.

Список литературы

Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Городской класс: потенциал адаптации или готовность к изменениям // Вестник общественного мнения. Июль-декабрь 2014. № 3–4(118). С. 80–117.

Зубок Ю. А. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодёжи в обществе риска // Безопасность Евразии. 2003. № 3(13). С. 124–141.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. – М.: Мысль, 2007. – 296 с.

Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. – 320 с.

Корнилова М. В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы). Дисс. на соискание ученой степени канд. социол. н. М.: Институт социологии РАН, 2012. – 216 с.

Корнилова М. В. Пожилые люди «группы риска»: понятие, особенности жизненной ситуации и социального обслуживания // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А. В. Мозговая. – М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 144–182.

Мозговая А. В. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А. В. Мозговая. – М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 40–59.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25–49.

Factors of Safety Status Formation under Acute and Daily Risks

This article was written with financial support of RGNF within the research project № 14-03-00139

Mozgovaja Alla Viktorovna

Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: mozgovai@isras.ru

Shlykova Elena Viktorovna

Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: shlykova70@yandex.ru

Abstract. The initial grounds of the article is the point that adaptation in the modern risk society is associated with daily “fuzzy” threats and becomes a permanent process. This process does not flow smoothly but in discrete steps: a new risk appears and requires a response such as formation of individual safety status. An individual is forced to concentrate all his resources in order to learn how to live with this new environmental factor, or displace it from his daily life as a result of protest activity.

The article analyzes the data of two studies: one has been carried out in a community which is mobilizing resources for adaptation to a new risk; the other has been carried out in a community living under daily risks. The target populations selected for analysis are the young and older people. Hypothetically, it is assumed that there is specificity of factors

used by representatives of these population groups for adaptation to daily and acute risks. An analysis of empirical data has revealed both similarities and differences between the factors used by the designated target group representatives for safety status formation. Interpretation of the data is summarized in the resulting part of the article.

Keywords: security status, risk subculture, risky environment, adaptation resources, interpersonal and institutional trust, social well-being, insecurity

REFERENCE

Gudkov L., Zorkaja N., Ovachimjan A. Gorodskoj klass: potencial adaptacii ili gotovnost' k izmenenijam. *J. Vestnik obshhestvennogo mnenija. Ijul'-dekabr' 2014. № 3–4(118). S. 80–117. (In Russ.).*

Zubok Ju. A. Teoreticheskie i prikladnye problemy social'nogo razvitija molodjozhi v obshhestve riska. *J. Bezopasnost' Evrazii. 2003. № 3(13). S. 124–141. (In Russ.).*

Zubok Ju. A. Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovanija molodjozhi. – M.: Mysl', 2007. – 296 s. *(In Russ.).*

Kozyreva P. M. Processy adaptacii i jevoljucija social'nogo samochuvstvija rossijan na rubezhe XX–XXI vekov. M.: Centr obshhechelovecheskih cennostej, 2004. – 320 s. *(In Russ.).*

Kornilova M. V. Institut social'noj zashhity naselenija v uslovijah usilenija social'nyh riskov (na primere social'nogo obsluzhivaniya pozhilyh grazhdan g. Moskvy). Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. sociol. n. M.: Institut sociologii RAN, 2012. – 216 s. *(In Russ.).*

Kornilova M. V. Pozhilye ljudi «gruppy riska»: ponjatie, osobennosti zhiznennoj situacii i social'nogo obsluzhivaniya. *J. Risk: issledovanija i social'naja praktika / Otv. red. A. V. Mozgovaja. – M.: Institut sociologii RAN, 2011. S. 144–182. (In Russ.).*

Mozgovaja A. V. Izmerenie riska v sociologii: metodologija, metody, rezul'taty. *J. Risk: issledovanija i social'naja praktika / Otv. red. A. V. Mozgovaja. – M.: Institut sociologii RAN, 2011. S. 40–59. (In Russ.).*

Mozgovaja A. V., Shlykova E. V. Social'nye resursy i adaptacija k risku: vybor strategii (na primere social'noj obshhnosti v situacii konkretnogo riska). *J. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2014. № 4. S. 25–49. (In Russ.).*